

тории Притынного кабачка и, вместе с тем, вполне подтверждают правдивость и точность, даже, можно сказать, тщательность тургеневского описания. Тургенев понял и отметил характерную для многих певцов привычку петь именно с хором. «Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях: ему не доставало поддержки хора» (Т., I, 212). Были в пении рядчика и элементы «кудреватости», вследствие чего он неминуемо должен был уступить первенство в состязании певцу «строгого стиля», сумевшему с необычайной силой воплотить в своем пении лучшие стороны русской народной песни и, в первую очередь, ее простоту, искренность, задушевность.

Таким образом, наблюдения выдающихся специалистов в области музыкального фольклора не только не противоречат изображенной Тургеневым картине, но вполне подтверждают ее точность и правдивость, — и приходится поражаться изумительному художественному чутью Тургенева, позволившего ему с такой исключительно глубокой проникновенностью изобразить характер русского народного пения. «Певцы» являются не только одним из замечательнейших шедевров Тургенева, но и шедевром всей русской художественно-фольклористической литературы. На первый взгляд кажется убедительным замечание Б. М. Соколова об отсутствии в народной среде песенных состязаний. Действительно, такое явление не отмечено ни одним из собирателей. Но отсутствие того или иного факта в печатных этнографических материалах еще не свидетельствует об отсутствии его в быту народа. О многих явлениях народной жизни мы знаем не из этнографических сочинений, а из художественной литературы, из описаний писателей-беллетристов. Большое количество таких наблюдений, дополняющих различные научно-этнографические очерки, находится в произведениях Глеба Успенского, Решетникова, Слепцова, Левитова, Короленко, Горького, Гладкова и мн. др. Таким же дополнением к свидетельствам этнографов и фольклористов являются и «Певцы» Тургенева.

Художественно-артистические состязания вовсе не чужды русской народной среде. Отсутствие сведений о них в специальной научной литературе объясняется главным образом тем, что по большей части собиратели-фольклористы производили наблюдения и записи экспедиционным путем — и вполне понятно, что в условиях экспедиционной работы, т. е. работы временной, «наездом», многие факты народной жизни оставались вне поля зрения. Так, например, никому из собирателей русских сказок — в том числе и таким выдающимся собирателям, как Н. Е. Очучков, Д. К. Зеленин, братья Соколовы, — не приходилось наблюдать состязаний сказочников: между тем они, несомненно, существовали. Мне лично известен случай такого состязания. Оно происходило в середине 1920-х годов, в Тунке, между двумя замечательными мастерами — Дмитрием Семеновичем Асламовым и Степаном Карым. Состязание длилось несколько часов и привлекло огромное количество слушателей⁶⁵. На Амуре в конце прошлого века и еще в начале нынешнего наблюдались состязания исполнительниц похоронных причетей⁶⁶. Преимущественно экспедиционным путем велись и записи песен. Кроме того, в большинстве случаев песни записывались собирателями не в процессе их артистического исполнения, а со слов, в специальной передаче «для записи» — естественно, в их практике и не было случаев такого рода соревнований, одно из которых наблюдал и художественно воспроизвел Тургенев.

Свидетельство Тургенева о песенном состязании в Притынном кабачке не может быть отвергнуто уже потому, что он сообщает о нем и в письме к П. Виардо, которое является вместе с тем и первым упоминанием о «Пев-

⁶⁵ Оно описано в оставшейся ненапечатанной (и даже не вполне законченной) статье рано скончавшейся молодой исследовательницы (моей спутницы по экспедиции в Тункинский район), студентки Иркутского университета, О. М. Блюменфельд.

⁶⁶ Мои записи во время экспедиции на Амур 1913—1914 гг.